

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Ю. В. КНОРОЗОВА:
К 70-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ**

© 2018 г. Г. Г. Ершова

Доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета,
Россия, 111399, Москва, ул. Чайнова 15
ga.gav@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 24 октября 2018 г.

**THE THEORETICAL HERITAGE OF YU. V. KNOROV:
IN COMMEMORATION OF HIS FIRST SCHOLARLY PUBLICATION**

© 2018 Galina G. Ershova

Doctor of Historical Sciences, Professor of The Russian State University for the Humanities,
15 Chayanova Str., Moscow, 111399, Russia
ga.gav@mail.ru

Received by Editor on October 24, 2018

Статья посвящена научному наследию Юрия Валентиновича Кнорозова, связанному не только с дешифровкой письменности майя, но и с теоретическими выводами в области коммуникации, ориентированной на усложняющееся взаимодействие членов коллектива. В работе представлены основные теории Ю.В. Кнорозова, основанные на взаимосвязи деятельности головного мозга индивидуума и типов сигнализации, обеспечивающей реализацию общих для коллектива задач. Охарактеризованы особенности междисциплинарного исследовательского подхода Ю.В. Кнорозова, предполагающего формулировку теоретической концепции и следующую за ней практическую апробацию высказанной гипотезы, как это было сделано при дешифровке иероглифической письменности майя. Широко привлечены воспоминания коллег и друзей ученого.

The article is devoted to the scientific heritage of Yuri Valentinovich Knorozov, related not only to the deciphering of the Maya script, but also to the theoretical conclusions in the field of communication, focused on the increasing complexity of the group members' interaction. The paper presents the main theories of Yu.V. Knorozov, based on the relationship of the brain activity of the individual and the types of signaling, ensuring the implementation of common tasks for the group. The article shows main features of Yu.V. Knorozov's interdisciplinary research approach, which suggests the formulation of a theoretical concept and the practical testing of the hypothesis that follows it, as it was done by deciphering of the Maya hieroglyphic writing. The scientist colleagues' and friends memories are widely attracted.

Ключевые слова: Ю.В. Кнорозов, иероглифическое письмо майя, дешифровка древних систем письма, теория коммуникации, теория сигнализации, фасцинация, семиотика, этническая семиотика.

Key words: Yu.V. Knorozov, Maya hieroglyphic writing, the decipherment of ancient writing systems, the theory of communication, the signaling theory, fascination, semiotics, ethnic semiotics

DOI: 10.31857/S241377150003063-2

Первая научная публикация Ю.В. Кнорозова, выпускника исторического факультета МГУ, формально не являлась лингвистической и касалась той же темы, что и дипломная работа под названием “Среднеазиатская версия легенды о Самсоне”, написанная под руководством специалиста по первобытной религии С.А. Токарева в рамках этнографического спецсеминара С.П. Толстова. Таким образом, статья “Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса)” вышла в свет сразу в академическом журнале, на следующий год после окончания учебы в МГУ [1]. Однако уже в этой статье, ставшей результатом полевых наблюдений, в качестве объекта отчетливо прослеживается феномен, связанный с измененным состоянием сознания при проведении коллективных обрядов, который Ю.В. Кнорозов назовет “фасцинацией”, или, позже, “завораживанием”, стремясь избежать, в свойственной ему манере, использования иноязычных терминов. Анализируются все элементы ритуала – местность и место проведения, внешний вид и состояние участников, действия (предварительное скатывание с холмов, кружение и т.д.), особый способ движений и дыхания, тональность звуков, воздействие этих приемов на состояние зрителей, а также собственные ощущения наблюдателя. Невербальная коммуникация всегда оставалась одной из центральных тем исследований Кнорозова. Стоит заметить, что еще в детстве у Юрия обнаружили гипнотические способности, о чем вспоминают его племянники¹. Он сам указывал даже причину появления таких способностей при заполнении анкеты, разработанной психиатром и гипнологом Л.П. Гримаком². Совершенно очевидно, что полевой проект по изучению суфийского зикра в рамках Хорезмской экспедиции привлек Кнорозова в качестве возможности вскрыть механизмы специфической коллективной практически внеязыковой коммуникации. О том, что “проблематика шаманизма была базой теории фасцинации”, вспоминает и А.М. Плунгян. В мемуарах студенческого друга Кнорозова упоминается и влияние на его взгляды идей «основоположника отечественной эволюционной нейрогенетики Сергея Николаевича Давиденкова (1880–1961), с которыми он познакомился по монографии “Эволюци-

онно-генетические проблемы в невропатологии”... С этой работой Кнорозов буквально не расставался и постоянно обсуждал идеи Давиденкова. Его особенно интересовала роль “специализированного контингента” в первобытном коллективе как носителя интеллекта, в том числе – мифологии и ритуалов шаманов»³. Акценты, расставленные в статье при описании шаманского зикра, позволяют предположить, что идее фасцинации Кнорозов уже в студенческие годы отводил чрезвычайно важное место.

Однако в 1950-е годы тема шаманизма сменилась публикациями, представлявшими результаты дешифровки иероглифического письма майя, в том числе и на испанском языке [2], [3]. Из текста обращения С.А. Токарева в Президиум Академии Наук СССР в декабре 1950 г. с просьбой зачислить Ю.В. Кнорозова в аспирантуру, следует, что к этому времени тот “пришел к самостоятельному построению общей теории иероглифики. Разработанный им самим метод... применил к изучению памятников иероглифического письма древних майя... Работы Ю.В. Кнорозова над памятниками письма майя уже сейчас привели его к открытию важнейшего ключа в решении данной проблемы... Эта работа составит славу советской науки...”⁴. Кроме того, С.А. Токарев отмечал, что Кнорозов уже перевел со старо-испанского такой источник, как текст Диего де Ланды, и на тот момент работал над переводом с языка кечуа драмы “Ольянтай”. В 1955 г. Ю.В. Кнорозов публикует свои работы особенно активно, что напрямую связано с состоявшейся в марте стратегически важной защитой кандидатской диссертации, которую С.П. Толстов и С.А. Токарев готовили сразу с расчетом на докторскую [4]; [5]; [6]; [7]. Оба руководителя отдавали себе отчет, а документы отказов в принятии в аспирантуру подтверждают, что иного пути в большую науку, кроме очень нестандартного, Ю.В. Кнорозову не оставалось по очень серьезной для тех времен причине: в период с июня 1941 г. по февраль 1943 г. он оказался “на территории, оккупированной врагом”⁵.

³ Текст мемуаров, посвященных знакомству с Ю.В. Кнорозовым, любезно предоставлен А.М. Плунгяном.

⁴ Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (Кунсткамера). К. 1. Оп. 7. Д. 69. Л. 10-11.

⁵ Этим драматическим событиям посвящены публикации: Долгова Е.А., Ершова Г.Г. “Вот всё, что я могу сказать о предлагаемой работе”. Диссертационный диспут Ю.В. Кнорозова. 1955 г. // Исторический архив. 2018. № 5. С. 9–53; Ершова Г.Г. Мастера отечественной истори-

¹ Аудиозапись интервью с А.С. Кнорозовым, Т.Б. Кнорозовой в 2005 г. Личный архив Г.Г. Ершовой.

² Анкета была заполнена Ю.В. Кнорозовым в 1995 г. в Москве в период работы над монографией Г.Г. Ершовой и П.Ю. Черносвитова “Наука и религия: новый симбиоз?” СПб.: Алетей, 2003.

Практически сразу после успешной защиты своей диссертации в марте 1955 г. Ю.В. Кнорозов приступает к подготовке публикации принципов и результатов дешифровки древнего письма майя. Речь идет об объемной монографии “Письменность индейцев майя”, которая увидит свет в 1963 г. И он, наконец, смог свободно заняться темами, которые считал для себя наиболее интересными. Речь шла о проблемах семиотики, применении позиционно-статистического метода дешифровки для иных древних систем письма, использовании кибернетики для обработки статистических данных дешифруемых текстов, а также о теории сигнализации и фасцинации.

Метод и процесс дешифровки древней системы письма можно представить в виде схемы, которую поместила Г.С. Авакьянц в статье, посвященной практическому применению методов позиционной статистики [8, с. 30].

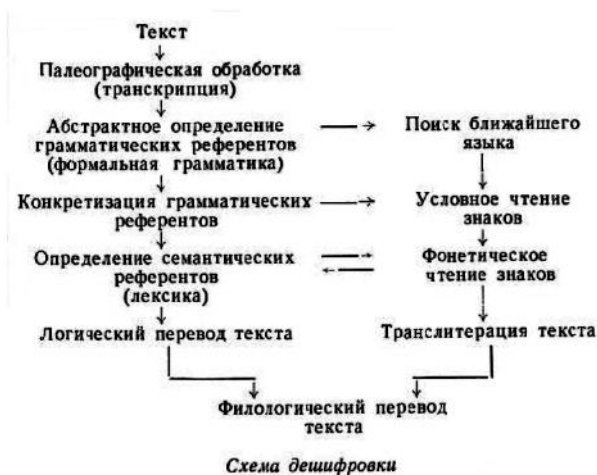

Схема дешифровки

И.К. Федорова, занимавшаяся дешифровкой рапануйского письма, вспоминала те времена второй половины 1950-х: “Работа над рапануйскими текстами началась вскоре после возвращения Юрия Валентиновича из Копенгагена с XXXII Конгресса американистов (Дания, 1956). Став организатором и руководителем Группы этнической семиотики Ленинградской части ИЭ АН СССР – настоящей школы и центра дешифровки, Кнорозов уделял также много времени и сил изучению памятников других систем древнего письма – фетского диска, киданьских надписей древней Монголии X–XII вв., протоиндийских текстов, древнего андского письма, пиктографии айнов, а также рапануйскому письму на деревянных дощечках, два образца которых хранятся в Музее антропологии и этнографии РАН (СПб.). Без

ографии: Юрий Валентинович Кнорозов. Фотолетопись. (1922–1999) // Исторический архив. 2018. № 5. С. 54–69.

научных трудов Кнорозова, посвященных изучению и дешифровке письма майя, без его статей по проблемам семиотики, по общим вопросам дешифровки неизвестных систем письма вряд ли возможна была бы дешифровка дощечек кохау ронгоронго”⁶.

В 1959 г. Вяч. Вс. Иванов стал заведовать секцией лингвистики созданного в том же году Научного совета по кибернетике при Президиуме АН СССР. И уже на следующий год вышло постановление совета о создании группы семиотики в Ленинградском отделении Института Этнографии АН СССР под руководством Ю.В. Кнорозова. По словам Вяч. Вс. Иванова, “Кнорозов был самый аккуратный из нас. Он писал непрерывно планы того, что нужно сделать и, более того, тут же эти планы осуществлял. В частности грандиозную компьютерную работу, которая происходила в основном в Москве”. Разработкой программ занялись совсем молодые математики – Ю.А. Шрейдер, М.Л. Цетлин и М.А. Пробст. По воспоминаниям Иванова, именно “Марек Пробст воплотил идеи Кнорозова”, составив буквально на одной странице “общий план дешифровочных работ”. И на основании этой записи Шрейдер и Пробст создали серию программ, по которым стало возможным статистически обработать любую систему письма, располагавшую достаточно большими текстами⁷.

Совершенно очевидно, что во второй половине 1950-х, даже в изучении письма майя, Кнорозов больше всего интересовали возможные математические методы обработки объемных текстов, составление баз данных, использование новых технологий в практических целях осуществления дешифровок “неизвестных систем письма”. В целом Кнорозов концентрировался на продвижении своих теорий, введении в научный оборот целостного понимания проблемы сигнализации, избавляясь от рамок “дешифровки письменности майя”. Свою основную задачу он понимал как системное междисциплинарное исследование, в котором теории коммуникации отводилось одно из главных мест. И потому в свойственной ему ироничной манере не раз повторял: “Майя – это только бухгалтерская работа, а главная задача наступления – теория коллектива”.

К сожалению, наивная вера Кнорозова в то, что всеми движет исследовательский азарт и интерес к науке,

⁶ Мемуары И.К. Федоровой, любезно предоставлены для публикации ее дочерью О.М. Федоровой.

⁷ Видеозапись полного интервью с Вяч. Вс. Ивановым сделана в Переделкино летом 2007 г. для фильма “В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов” (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). Личный архив Г.Г. Ершовой.

привела к неприятным результатам. Разработанные Шрейдером и Пробстом программы оказались в руках нечистоплотной группы так называемых “дешифровщиков” из Новосибирска, которые, даже не прибегли к вычислительным техникам, а только опубликовали данные ручной дешифровки Кнорозова, объявив это собственной “машинной дешифровкой”. Ю.В. Кнорозов опубликовал резкую критику этой фальсификации, в частности отмечая, что заявившими о “машинной дешифровке письма майя” претендентами «фактически ставилась более узкая задача – дать транслитерацию иероглифических текстов латинскими буквами (точнее – так называемым “традиционным” алфавитом майя), без попыток перевода. Авторы, разумеется, были знакомы с “ручной” дешифровкой письма майя и применявшимися при этом методами» [9, с. 91].

В январе 1961 г. на “Конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста” Э.В. Евреиновым и В.А. Устиновым были в спешном порядке представлены результаты так называемой “машинной дешифровки письма майя”. Не случайно, что практически в те же дни в Институте славяноведения АН СССР на расширенном заседании сектора структурной типологии славянских языков проводится организованное Вяч. Вс. Ивановым “собеседование” по общей теории сигнализации, предложенной Ю.В. Кнорозовым. Проблему обсуждали и лингвисты и математики (А.А. Реформатский, Л.А. Калужнин), поддержавшие идеи Кнорозова. Среди тем для обсуждения – теория сигнализации, фасцинация как ее составная часть, причем оба сюжета интегрированы в главную теорию – теорию коллектива. Важно, что объединение / коллектив представляется Кнорозовым в качестве дифференцированной системы, предполагающей наличие соответствующей системы сигнализации. Язык, при этом, превращается в “относительно независимую систему”, что “создает колоссальные возможности для его использования” [10].

В том же 1961 г., в сентябре, Ю.В. Кнорозов вновь представил свои разработки, выступив с докладом под названием “Об изучении фасцинации”. Это произошло на заседании “Научного совещания, посвященного применению математических методов в изучении языка художественных произведений”, организованного историко-филологическим факультетом Горьковского университета им. Лобачевского совместно с Группой прикладной лингвистики и машинного перевода Горьковского физико-технического института. Основные тезисы доклада были опубликованы почти сразу в журнале “Вопросы языкознания” [11].

Для Вяч. Вс. Иванова это событие стало самым ярким воспоминанием о Кнорозове: “Наверное, Горький и его выступление о фасцинации, это было самое интересное. Я вообще больше всего любил его общие теоретические рассуждения. Не потому что неинтересно было то, что он делает с письменностью – я знал из его письменных сочинений, я их читал и все это более или менее было понятно. Но вот его общие рассказы, рассказы о шаманах, конечно, были интересны. Он довольно подробно мне рассказывал историю среднеазиатского шамана, которого духи заставляли стать шаманом, который отказывался от этого. Ритуал, хоть и вообще-то известный, но было интересно, поскольку он сам переживал все это, вот вместе с этим шаманом. Это очень интересный рассказ, быть может, из числа самого интересного, что я от него слышал... Вообще проблематика шаманизма всегда находилась в центре интересов Кнорозова и была базой его теории фасцинации”⁸. Об этом особом таланте Ю.В. Кнорозова выстраивать в рассказе своеобразный видеоряд, позволяющий слушателю как бы участвовать в описываемых событиях, знали многие из коллег, кому посчастливилось с ним работать. Складывается впечатление, что эти “погружения” были своеобразным экспериментом в его разработках теории коммуникации и фасцинации. Причем, сюжеты могли быть самыми разными: шаманский зикр, оборона Москвы в 1941, строительство Меншиковым дворца в Петербурге, падение древнего Теотиуакана или события в Тикале классических майя.

В том же эпохальном первом номере журнала “Вопросы языкознания” за 1962 год в обзоре “научной жизни” появилась и информация о докладе, с которым выступил академик С.Л. Соболев по “машинной дешифровке письма майя”, выполненной в Сибирском филиале АН СССР, и “важности теоретического значения этой работы” [12, с. 161]

Научный подлог новосибирской группы был всем очевиден, однако, для сохранения имиджа “новосибирской науки” академик С.Л. Соболев, бывший в тот период директором Института математики СОАН СССР, в ответ на разгромную статью Кнорозова о “машинной дешифровке” направил в редакцию журнала возмущенное “письмо” за своей подписью, в котором ни больше ни меньше как обвинял Кнорозова в выражении некомпетентного “частного мнения” и

⁸ Видеозапись интервью с Вяч. Вс. Ивановым сделана в Перedelкино летом 2007 г. для фильма “В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов” (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). Личный архив Г.Г. Ершовой.

нежелании ознакомиться и даже проявить какой-либо интерес к материалам ученых новосибирского Института математики [13, с. 147].

В 1963 г., наконец, увидела свет монументальная монография Ю.В.Кнорозова “Письменность индейцев майя”, в которой были сведены и описание письма майя, и принципы дешифровки и каталог знаков, и переводы некоторых текстов. Историографический обзор, посвященный попыткам дешифровки письменности майя, автор завершил нелицеприятной оценкой плагиата: “...группа сотрудников Института математики Сибирского отделения Академии Наук СССР, используя материалы настоящей монографии, предприняла опыт дешифровки письма майя с помощью электронной вычислительной машины. Полученные результаты в основном дублируют уже опубликованные чтения, в том числе неправильные...” [14, с. 46].

Однако даже эта попытка откровенного плагиата не остановила Кнорозова в продвижении своих инновационных идей. И в этом, безусловно, стоит признать немалую заслугу редакции журнала “Вопросы языкознания”, сумевшей в столь непростых условиях отстоять научные приоритеты и поддержать гениального и очень раннего ученого.

Если судить по хронологии публикаций Кнорозова, то после выхода монографии он концентрируется на работе группы по дешифровке протоиндийской письменности, продолжает заниматься письмом острова Пасхи, а также готовит к печати статьи с материалами, основанными на текстах майя: серия “Заметки о календаре майя”, “История Юкатана”, “Пантеон древних майя”. В этих сюжетах раскрываются его идеи в области этнической семиотики, к теоретическим проблемам которой он обратится несколько позже⁹. Но очевидно, что работа над каждой из тем, которая возникала при чтении и переводе древних текстов, определяла собственный набор интегрированных дисциплин, которыми приходилось заниматься, вскрывая и разделяя общее и индивидуальное в духовных воззрениях этносов, разделенных географически и имевших независимое развитие. Эти выводы, исключавшие ставшее традиционным для Старого Света клише о “культурной преемственности” или “индоевропейском происхождении”, стали возможны благодаря

⁹ Подробно проблема этнической семиотики в творчестве Ю.В. Кнорозова рассмотрена в публикации: *Ершова Г.Г., Шесенья А.* Этническая семиотика: Междисциплинарная проблема / Стены и Мосты: История возникновения и развития идеи междисциплинарности. М., 2015. С. 19–40.

этносемиотическому анализу и привлечению в компаративные материалы широкого пласта доколумбовых культур Нового Света.

Формировавшаяся концепция этнической семиотики являлась для Кнорозова неким ответвлением “теории коммуникации”, по той причине, что любая знаковая система имеет смысл только в присутствии пользователей этой информации, понимающих знаковую кодификацию. Теоретические подходы к возникновению коммуникации в коллективе были опубликованы Кнорозовым в специальном сборнике “Основные проблемы африканистики”, что было отчасти обусловлено необходимостью поиска изданий, готовых представлять его теоретические статьи¹⁰. С другой стороны, Кнорозов настаивал на универсальности процесса эволюции систем коммуникации в человеческом сообществе. И в этом случае американские, как и африканские культуры (за исключением севера континента), отличались независимым культурно-историческим развитием, не принадлежа к единой “Большой Евразии”, породненной общими “индоевропейскими истоками”. Междисциплинарный подход и психофизиологическая универсальность коммуникации позволили Кнорозову выделить различные типы сигналов, а также их суть и функции, в качестве средства координации взаимодействия между элементами данной системы. Подача сигнала одним членом системы таким образом становится командой, которая предполагает исполнение действия (реакцию) со стороны адресата. А усиление воздействия для повышения выполнения команды соответствует тому, что Кнорозов назвал фасцинацией [15, с. 328, 331].

Для реализации своих междисциплинарных исследований Кнорозовым была создана “Группа этнической семиотики” – это было необходимо для выделения в рамках традиционной этнографии особой исследовательской области. Эта область охватывала изучение всех возможных знаковых систем, которые вырабатывает социум для передачи и сохранения информации. Сюда же относятся и проблемы, связанные с корректной интерпретацией полученной информации. Следует учитывать, что помимо универсального, общечеловеческого, аспекта коммуникации существуют также и частные формы в каждой конкретной культуре, которая вырабатывает собственные практические модели. Все они эволю-

¹⁰ После ухода С.П. Толстова с поста главного редактора журнал “Советская этнография” практически перестал публиковать статьи, тем более теоретические, Ю.В. Кнорозова.

ционируют от мимики и жестикуляции до речи, мнемонических систем, письма и других информационных носителей, к которым можно отнести обряды и ритуальные традиции.

С целью выявления и реконструкции первых (утраченных) знаковых систем этносов мира Группа этнической семиотики под руководством Ю.В. Кнорозова проводила комплексную работу по дешифровке древних систем письма: киданьского, протоиндийского, древнеперуанского, рапануйского, айнской пиктографии. В 1982 г. Ю.В. Кнорозов начал публиковать сборник под неслучайным названием “Забытые системы письма”. Вступительная статья Кнорозова была названа “Неизвестные тексты”. Именно в ней были обозначены основные положения в области изучения этнической семиотики. В присущей ему тезисной форме Кнорозов выделил основные этапы становления коммуникации и развития знаковых систем: “После появления речи, ставшей основным способом передачи сообщений, возникла потребность особой разновидности зрительной сигнализации, фиксирующей сообщения на каком-либо материале для отсутствующего адресата. Передача сообщения о ситуации достигалась путем копирования того, что видит (и воображает) наблюдатель. Адресат, наблюдая копию ситуации, получает о ней приблизительно такое же представление, как индуктор-наблюдатель. Каждая ситуация может быть описана неопределенным количеством фраз. При копировании чаще всего применялась контурная проекция на плоскость. При этом исключались объекты, не имеющие (по мнению изображающего) отношения к копируемой ситуации или несущественные, терялся ряд признаков, и давалась приблизительноная (в пределах, допускающих опознание) передача контура” [16, с. 3].

Далее обозначены этапы появления и развития пиктографии, условия возникновения письменности, характеристики различных типов письма, особенности взаимодействия древнего языка и древнего текста. Специальный раздел посвящен практической работе с древним текстом, написанном на неизвестном языке неизвестным письмом. Кнорозов изложил и особенности своего метода, который предполагает подход к тексту и его элементам уже не только с позиции этнокультурных, но и психофизиологических особенностей, определяемых “свойствами человеческого мозга для распознавания морфем и их сочетаний в качестве наименьших семантических единиц языка – предельных референтов знака письма” [16, с. 6]. Последний раздел статьи затрагивает проблему и методы конечного этапа дешифровки, что и

определяет суть этнической семиотики: “Изучение морфологии и синтаксиса и классификация блоков дают возможность развернуть изучение лексики неизвестных текстов. При переходе к фонетическому чтению решающую роль могут сыграть условные чтения знаков, установленные при сопоставлении грамматических показателей изучаемого языка и языка-потомка. Однако фонетическое чтение слов во многих случаях не дает возможности определить их смысл. Для успешного изучения неизвестной лексики необходимы специальные морфемные словари языка-потомка и детальное изучение фонетических изменений. Кроме того, даже в тех случаях, когда перевод вполне возможен, текст остается непонятным по причине полной невразумительности. Для того чтобы придать древним текстам смысл, кроме грамматического перевода необходим широкий и всесторонний комментарий. Составление такого комментированного перевода уже выходит за рамки формального изучения текстов и, несомненно, требует привлечения всей возможной дополнительной информации” [16, с. 9,10]. Вопрос соотношения фонетического чтения неизвестного текста и его адекватного понимания представляется, пожалуй, ключевым в исследовании древних текстов – в той или иной мере, а иногда и полностью, за тысячелетия и столетия утрачивается этнокультурный контекст. И даже, казалось бы, известные слова оказываются недоступными для восприятия внутри текста, приводя к возникновению многочисленных произвольных смысловых интерпретаций.

Многое из того, что предлагал Кнорозов, явно выходило за общепринятые методологические рамки и опережало состояние науки. Его исследования были в широком смысле междисциплинарными, что до сих пор понимается и принимается не всеми и всегда составляло большую проблему для Кнорозова. А.М. Плунгян вспоминает, с каким трудом в научном сообществе принималось понятие фасцинации, сопоставляя это с новым подходом Проппа к мифу: «Как термин, само понятие фасцинация, насколько мне известно, впервые появилось в 1959 году, и затем – в краткой статье в “Вопросах языкознания” (1962, № 1). Оценки его значения варьируются от восторженного мнения Ю.М. Лотмана и ряда специалистов в области филологии и культурологии до сдержанных и даже негативных со стороны биологов, генетиков и исследователей теории информации. К моему удивлению, наиболее аргументированные возражения последовали со стороны теоретиков рекламы. Важным событием стал для нас

выход из печати в 1946 году труда основоположника сравнительно-типологического метода в фольклористике и одного из предшественников структурализма и семиотики Владимира Яковлевича Проппа “Исторические корни волшебной сказки”. Эта работа Проппа представляла дальнейшее развитие его “Морфологии сказки” 1928 года, раскрывшей структуру волшебных сказок: после издания её перевода в США эта проблема стала одним из наиболее популярных предметов исследования фольклористики и культурологии XX века, а идеи Проппа непосредственно повлияли на развитие структурализма и семиотики»¹¹. Подходы Ю.В. Кнорозова так же разрушали привычные схемы – в истории, археологии, семиотике, эпиграфике майя.

Претензии к Кнорозову, часто заведомо необоснованные, высказывались и со стороны некоторых западных исследователей. Так, например, глава американской школы майянистики в 1950-е гг. Эрик Томпсон буквально обрушился на дешифровку Ю.В. Кнорозова, нелепо обвиняя его в применении “марксистских” методов. При этом крупнейшие специалисты разных стран отправились в Ленинград, чтобы встретиться с молодым советским ученым. В 1980-х археологи не воспринимали “неархеологических” аргументов Кнорозова в его теории заселения американского континента тремя волнами через Берингию, начиная с 40 тыс. лет до н.э. – в те времена лингвистические аргументы не принимались в расчет. Биологи и генетики в штыки принимали теории Кнорозова применительно к развитию общества, забывая, что об этом писал еще Бехтерев. Впрочем, и работы самого Бехтерева на эту тему замалчивались и не публиковались, так как он не был “историком”. “Специалисты по информатике” называли Кнорозова дилетантом и при этом пытались присвоить его работы. Астрономы именовали реконструкцию древней астрономии и календаря майя “ненаучными” уже потому, что с их точки зрения, в древности наука не существовала вообще. Журнал “Советская этнография” после ухода Толстова с поста главного редактора в 1966 г. практически не публиковал статей Кнорозова. Руководители исторической науки не воспринимали его теории коллектива, построенной в неведомом до этого системном междисциплинарном подходе, не вписывавшемся в принятые стандарты “сравнительно-исторического метода”. Впрочем, так же негативно историческое сообщество относилось и к Л.Н. Гумилеву, и к Б.Ф. Поршневу.

¹¹ Текст мемуаров, посвященных знакомству с Ю.В. Кнорозовым, любезно предоставлен А.М. Плунгяном.

Лишь лингвисты, пожалуй, не упрекали Кнорозова в отсутствии лингвистического образования. Вяч. Вс. Иванов сразу сумел понять всю значимость научного вклада Кнорозова: “Думаю, что до того, что нужно знать из лингвистики, он дошел своим умом. Он во многом был типом такого русского самородка-самоучки. То есть, не так уж важно получить систематическое образование, когда человек сам знает, что ему нужно, как бы имеет в голове свою собственную программу. Я не склонен думать, что он особенно интересовался теоретической лингвистикой... В конце концов, лингвистика это не бог весть, какая сложная наука, если ее правильно понимать – как устроена грамматика языка и как устроено сравнение языков... Его понимание соотношения диалектов майя было вполне научным. И это, в конце концов, очень специфическая область лингвистики. Он занимался разными языками и поэтому из эмпирических знаний вытекло, что он довольно хорошо сконструировал в голове обций образ того, как устроена грамматика, потому что его алгоритм дешифровки, конечно, устроен в правильном понимании лингвистики, в более правильном, чем это было в это время у самих лингвистов”¹².

В.И. Гуляев, археолог и ученик Ю.В. Кнорозова, полагает, что именно “такое сочетание широты и профессионализма при решении поставленных научных задач и приносило ему неизменный успех в исследованиях”¹³.

Последняя статья Ю.В. Кнорозова вышла в 1999 г., полвека спустя после первой публикации, в специальном выпуске сборника серии “Вопросы этнической семиотики”, увидевшем свет уже после ухода Юрия Валентиновича. Речь идет о статье-тезисах “Особенности детских изображений”, в которой Кнорозов четко сформулировал свою позицию относительно применительности закона рекапитуляции Геккеля-Мюллера, согласно которому онтогенез повторяет филогенез, к цивилизационному развитию, причем с обратной пропорциональной скоростью: “Процесс вхождения новорожденного ребенка в коллектив взрослых в определенной степени аналогичен процессу формирования личности по ходу возникновения и раз-

¹² Видеозапись интервью с Вяч. Вс. Ивановым сделана в Переделкино летом 2007 г. для фильма “В поисках утерянного кода. Юрий Кнорозов” (2009 г., автор Г. Ершова, режиссер Ф. Кудряшов). Личный архив Г.Г. Ершовой.

¹³ Из воспоминаний В.И. Гуляева о Кнорозове, 2007 г. Личный архив Г.Г. Ершовой.

вития древних коллективов. В обоих случаях формируется личность, имеющая определенные связи с членами коллективов, владеющая сигнализацией и обладающая определенным мировоззрением. Развитие в обоих случаях идет по законам диалектики и имеет некоторые общие черты, но также и существенные различия...” [17, с. 186]. Оставленная Кнорозовым программа исследований явно следует в параллели направлению “объективно-психологического” изучения личности ребенка, обозначенного В.М. Бехтеревым в докладе “Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении”, сделанном в Русском обществе нормальной и патологической психологии в 1908 г., однако с иной, эволюционной позиции. “Много внимания некоторыми авторами уделяется вопросу о сходстве рисунков детей с живописным искусством доисторического человека и современных первобытных народов. Этот вопрос действительно не может не быть интересным, но подходить к его выяснению можно только после обстоятельного разрешения вопроса о постепенной эволюции детского рисунка. Во всяком случае, есть много данных за то, что законы развития искусства в жизни народов те же, что законы развития искусства в жизни отдельных лиц, и потому естественно, что общие черты развития детского рисунка повторяют те черты развития человеческого искусства, которые оно проходило, начиная с доисторического периода своего развития” [18, с. 141, 145]. Примечательно, что многие работы (в том числе упомянутый доклад), носившие междисциплинарный характер и обращавшиеся, так или иначе, к проблемам социально-исторического развития, были опубликованы до 1917 г. и ни разу не переиздавались вплоть до 1999 г. В.М. Бехтерев не мог позиционироваться как историк, а Ю.В. Кнорозов, по определению, не воспринимало сообщество генетиков. Кнорозов, сомневаясь в том, что работа будет признана, излагал положения теории в свойственной ему ироничной манере, причем удивительно точно выстраивая логические линии: “...Наличие хвоста было целесообразно для всех хордовых на определенном этапе, т.е. хвост входил в набор элементов ароморфоза, но в дальнейшем оказался излишним и редуцировался в основной линии, сохранился в боковых как идиоадаптация. У человеческого эмбриона хвост сначала формируется, а затем совершенно напрасно редуцируется (атрофируется), появляясь у ребенка только в порядке атавизма. Аналогичным образом у эм-

бриона появляется и исчезает шерсть (хотя она весьма бы пригодилась)”. [17, с. 187] После такого доходчивого объяснения принципа биологической эволюции следует четкое и логичное продолжение, уже относящееся к эволюции социо-культурной: “В коллективах идиоадаптации соответствует специализация элементов культуры. Чрезмерная специализация может препятствовать появлению более целесообразных изобретений (принцип которых уже известен). ...Развитие графики у племен имело отклонения в основной линии, в дальнейшем выравнивающиеся. Иногда специализация была очень сильной. Аналогичные отклонения от основной линии наблюдаются в детской графике” [17, с. 188].

Заключение

Прошло 20 лет после ухода Юрия Валентиновича Кнорозова. Его научная, да и личная судьба тесно вплетена в историю России. Творческое наследие занимает особое место в отечественной и мировой науке, обретая статус школы Ю.В. Кнорозова. Идеи, зачастую опережавшие время, оказались плодотворными и очень востребованными. А сама личность Кнорозова порою обретает черты легенды. В первую годовщину смерти Ю.В. Кнорозова крупнейший американский специалист по майя Майкл Ко, комментируя посвященное дешифровке письма майя письмо-завещание Эрика Томпсона, заявил: “Сейчас, в наступившем XXI веке, можно окончательно признать, что Томпсон был неправ – а все мы теперь кнорозовисты”.

Все, кто был знаком с Кнорозовым, отдавали себе отчет в нестандартности его мышления, логика которого не всегда была понятна современникам. Трудно не согласиться с удивительно справедливым замечанием А.М. Плунгяна: “...Для объективного понимания специфики научного мышления и психологии Кнорозова необходимо реконструировать минимальную базу знаний в области лингвистики и методики дешифровки, которым располагал демобилизованный студент-этнограф третьего-пятого курса Кнорозов – знания в области теоретической лингвистики, староиспанского, майя, европейских языков, археологии, опыт дешифровки и многое другое – литература, личные контакты и т.п. Это сложная, дедуктивная, но актуальная задача кнорозоведения”¹⁴.

¹⁴ Текст мемуаров, посвященных знакомству с Ю.В.Кнорозовым, любезно предоставлен А.М. Плунгяном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-Наби (Некоторые пережитки домусульманских верований у народов Хорезмского оазиса) // Советская Этнография. 1949. № 2. С. 86–97.
2. Кнорозов Ю.В. Древняя письменность Центральной Америки // Советская Этнография. 1952. № 3. С. 100–118.
3. Knorozov Yu.V. *La antigua escritura de los pueblos de la América Central*. México: Biblioteca obrera. Segunda época, №5, 1953.
4. Кнорозов Ю.В. “Сообщение о делах в Юкатане” Диего де Ланда как историко-этнографический источник // Ланда, Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М.-Л., 1955. С. 3–96.
5. Кнорозов Ю.В. Письменность древних майя: (опыт расшифровки) // Советская этнография. 1955. № 1. С. 94–115.
6. Кнорозов Ю.В. Письменность древних майя // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 221–223.
7. Кнорозов Ю.В. Система письма древних майя: Опыт расшифровки. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
8. Авакьянц Г.С. Некоторые принципы и методы применения ЭВМ в современной дешифровке исторических систем письма // Древние системы письма: этническая семиотика. М.: Наука, 1986. С. 28–35.
9. Кнорозов Ю.В. Машинная дешифровка письма майя // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 91–99.
10. Бурлакова М.И. Собеседование по теории сигнализации с Ю. В. Кнорозовым // Структурно-типологические исследования (сб. статей. Отв. редактор Т. Н. Молошная). М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 283–285.
11. Кнорозов Ю.В. Об изучении фасцинации // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 163.
12. Бурлакова М.И. Научная жизнь // Вопросы языкознания. 1962. № 1. С. 159–161.
13. Соболев С.Л. Письмо в редакцию // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 147.
14. Кнорозов Ю.В. Письменность индейцев майя. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
15. Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации / Основные проблемы африканистики. М., Наука, 1973. С. 324–334.
16. Кнорозов Ю.В. Неизвестные тексты / Забытые системы письма. М., 1982. С. 3–10.
17. Кнорозов Ю.В. Особенности детских изображений / Вопросы этнической семиотики. Забытые системы письма. СПб., 1999. С. 186–192.
18. Бехтерев В.М. Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении / Избранные труды по психологии личности в двух томах. Т. 2. Объективное изучение личности. СПб.: Алетейя. 1999. С. 99–152.

REFERENCES

1. Knorozov, Yu.V. Mazar Shamun-Nabi (Some Vestiges of Pre-Islamic Beliefs Among the Peoples of the Khorezm oasis). *Soviet Ethnography*, 1949, N 2. P. 86–97. (In Russ.)
1. Knorozov, Yu.V. Ancient Mesoamerican Writing. *Soviet Ethnography*, 1952, N 3, pp. 100–118. (In Russ.)
2. Knorozov, Yu.V. *La antigua escritura de los pueblos de la América Central*. México: Biblioteca obrera. Segunda época, №5, 1953.
3. Knorozov, Yu.V. Relación de las cosas de Yucatán by Diego de Landa as an Ethno-Historical Source. *Soobshchenie o delakh v Yukatane Diego de Landa* [Relación de las cosas de Yucatán by Diego de Landa]. Moscow-Leningrad, 1955. P. 3–96. (In Russ.)
4. Knorozov, Yu.V. Ancient Maya Writing: (Decipherment Experience). *Soviet Ethnography*, 1955, N 1. P. 94–115. (In Russ.)
5. Knorozov, Yu.V. Ancient Maya Writing. *Topics in the Study of History*, 1955, N 8. P. 221–223. (In Russ.)
6. Knorozov, Yu.V. Ancient Maya Writing System: Decipherment Experience. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1955. (In Russ.)
7. Avakyants, G.S. Some of the Principles and Methods of Computers Using in the Modern Decipherment of Historical Writing Systems. *Ancient Writing Systems: Ethnic Semiotics*. Moscow, Nauka Publ., 1986. P. 28–35. (In Russ.)
8. Knorozov, Yu.V. Machine Decipherment of Maya Script. *Topics in the Study of Language*, 1962, N 1. P. 91–99. (In Russ.)
9. Burlakova, M.I. Knorozov Interview on the Signaling Theory. *Structural Typological Studies*. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1962. P. 283–285. (In Russ.)
10. Knorozov, Yu.V. On Study of Fascination. *Topics in the Study of Language*, 1962, N 1. P. 163. (In Russ.)
11. Burlakova, M.I. Scientific Life. *Topics in the Study of Language*, 1962, N 1. P. 159–161. (In Russ.)
12. Sobolev, S.L. A Letter to the Editorial Office. *Topics in the Study of Language*, 1962, N 3. P. 147. (In Russ.)
13. Knorozov, Yu.V. Ancient Maya Writing. Moscow-Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963. (In Russ.)
14. Knorozov, Yu.V. On the Classification of Signaling. *The Main Problems of African Studies*. Moscow, Nauka Publ., 1973. P. 324–334. (In Russ.)
15. Knorozov, Yu.V. Unknown Texts. *Forgotten Writing Systems*. Moscow, 1982. P. 3–10. (In Russ.)
16. Knorozov, Yu.V. Features of Children’s Images. *Questions of Ethnic Semiotics. Forgotten Writing Systems*. St. Petersburg, 1999. P. 186–192. (In Russ.)
17. Bekhterev, V.M. The Initial Evolution of Children’s Drawings in Objective Study. *Selected Works on the Psychology of Personality*. St. Petersburg, Aleteja Publ., 1999, Vol. 2. P. 99–152. (In Russ.)